

Контрастивный анализ особенностей болгарского и русского синтаксиса

[Рец.: Градинарова Алла
Анатольевна, *Очерки по
сопоставительному синтаксису
болгарского и русского языков*,
София: Изток-Запад, 2017, 500 с.]

Елена Юрьевна Иванова

С.-Петербургский государственный
университет
С.-Петербург, Россия

Contrastive Analysis of Bulgarian and Russian Syntax Peculiarities

[Rev. of: Gradinarova Alla A.,
*Essays on Comparative Syntax
of Bulgarian and Russian*, Sofia:
Iztok-Zapad, 2017, 500 pp.]

Elena Yu. Ivanova

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

Резюме

В настоящей работе предлагается рецензия на книгу известного болгарского русиста, профессора Софийского университета имени Св. Климента Охридского Аллы Анатольевны Градинаровой, основной сферой интересов которой являются проблемы сопоставительного синтаксиса болгарского и русского языков. В ее новой монографии основное внимание обращено на те явления анализируемых языков, формальные несоответствия между которыми являются следствием типологических различий: сфера пассива и синтаксической безличности, порядок слов, коммуникативно-маркированные фразеосхемы, разные типы полипредикативных структур (от деепричастия до сложноподчиненных и бессоюзных предложений) и др. Контрастивный анализ языкового материала вскрывает важнейшие особенности анализируемых явлений. Это позволяет читателю-лингвисту использовать полученные результаты не только в типологических и сопоставительных работах, но и в исследованиях по русскому языку.

Цитирование: *Иванова Е. Ю.* Контрастивный анализ особенностей болгарского и русского синтаксиса // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 1. С. 554–563.

Citation: *Ivanova E. Yu.* (2019) Contrastive Analysis of Bulgarian and Russian Syntax Peculiarities. *Slověne*, Vol. 8, № 1, p. 554–563.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.1.22

Книга является важным вкладом в изучение сопоставительного синтаксиса славянских языков.

Ключевые слова

русский синтаксис, болгарский синтаксис, контрастивный анализ, модели простого предложения, компоненты простых и сложных предложений, бессоюзное сложное предложение, порядок слов, пунктуация

Abstract

This article presents a review of the book by a major Bulgarian researcher of Russian, professor of Sofia University "St. Kliment Ohridski" Alla Gradinarova, whose scholarly interests focus mainly on the contrastive syntax of Bulgarian and Russian. In the new monograph, the author concentrates largely on the points of divergence in these languages stemming from their typological differences: passive voice and syntactic impersonality, word order, communicatively marked phrasal templates, various types of multi-clause structures ranging from verbal adverb phrases to complex and asyndetic sentences, etc. The contrastive analysis of the language data helps to reveal significant characteristics of the studied phenomena. This allows the use of the obtained results and data not only in typology and contrastive linguistics, but also in the study of the Russian language, as the approach of the author in her studies is based on a profound analysis of Russian data. The book constitutes a major contribution to studies in contrastive syntax of Slavic languages.

Keywords

Russian syntax, Bulgarian syntax, contrastive analysis, models of simple sentence, components of single-clause and multi-clause sentences, asyndetic multi-clause sentence, word order, punctuation

В 2017 г. в издательстве «Исток-Запад» (София, Болгария) вышла книга «Очерки по сопоставительному синтаксису болгарского и русского языков» известного болгарского русиста Аллы Анатольевны Градинаровой, профессора кафедры русского языка Софийского университета имени Св. Климента Охридского. Работы этого автора хорошо знакомы отечественным синтаксистам. Ее наблюдения и выводы нашли отражение в таких важных для русистики синтаксических и типологических исследованиях, как [Летучий 2011, 2017; Стойнова 2016; Циммерлинг 2013, 2018] и ряде других. А. А. Градинарова является также автором нескольких глав книги [Иванова, Градинарова 2015], вышедшей в издательстве «Языки славянской культуры».

В предлагаемой читателю новой монографии основное внимание уделено тем синтаксическим явлениям болгарского и русского языков, формальные несоответствия между которыми являются следствием типологических различий. Книга содержит как новые материалы, так и в той или иной степени переработанные тексты предшествующего периода. Включение этих исследований наряду с новыми представляет несомненную ценность, поскольку они были опубликованы в труднодоступных для отечественных лингвистов изданиях и потому оставались малоизвестными в России. Между тем особенность исследовательского подхода А. А. Градинаровой состоит в том, что болгарские конструкции описываются, как правило, на фоне подробного рассмотрения и анализа русских конструкций или

параллельно с ними. Этот анализ неизменно производится с высокой степенью глубины, тщательности и с учетом достижений отечественной русистики и сла-вистики в целом. Контрастивный аспект обнаруживает важнейшие особенности болгарской и русской грамматических систем. Это позволяет читателю-лингвисту использовать материалы и полученные результаты не только в типологических и сопоставительных работах, но и в исследованиях по русскому языку — как, например, в упомянутых выше трудах.

Источниками языкового материала для представляемой книги служат Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/>), Корпус параллельных русских и болгарских текстов (Успореден корпус на руски и български текстове, Великотърновски университет им. Св. Кирилла и Мефодия — <http://rbcorpus.com/index2.php>) и авторская подборка русских и болгарских художественных произведений и их переводов на болгарский и русский языки соответственно (общий объем этих текстов превышает 22000 страниц). Используются также материалы русскоязычных и болгароязычных сайтов.

Книга состоит из четырех крупных частей. Первый раздел посвящен моделям простого предложения, во втором рассматриваются не только вопросы, специфические для полипредикативных структур, но и общие для простого и сложного предложений. В третьем разделе содержатся наблюдения над порядком слов в болгарском и русском языках. В четвертом представлены основные отличия болгарской и русской пунктуационной системы.

В первом разделе «Модели простых предложений» [Градинарова 2017: 9–137] в сопоставительном плане описываются русские и болгарские конструкции пассива, неопределенно-личная модель, некоторые бытийные предложения и целый ряд конструкций, представляющих хотя бы в одном из сопоставляемых языков сферу синтаксической безличности, в том числе субъектный имперсонал, причастный имперсонал и безличные конструкции с дательным субъекта и предикативом на -о.

Остановимся на некоторых из этих тем. Формы возвратного перфективного пассива, широко распространенные в болгарском языке (*Решението трябва да се завери от нотариус* ‘Решение должно быть заверено нотариусом’, букв. ‘Решение должно завериться нотариусом’), в русском языке заметно ограничены в употреблении. В то же время А. А. Градинарова оспаривает мнение о полной невозможности в современном языке пассивной интерпретации для русских возвратных глаголов совершенного вида, подтверждая корпусными данными, что возвратный перфективный пассив в современном русском языке не является устаревшей моделью, он продолжает соответствовать потребностям говорящих и в определенных функциональных сферах (прежде всего в Рунете) используется довольно активно: *Зверь поймался мной с третьей попытки, а котами, к счастью, не поймался.* <https://julia-elvin.livejournal.com> [Градинарова 2017: 17]. Здесь предлагается подробный экскурс в историю русского литературного языка — в тот период, когда русский возвратный перфективный пассив представлял собой живую грамматическую категорию; в частности, рассматриваются причины архаизации страдательных предложений с рефлексивными глаголами совершенного вида.

Как отмечает А. А. Градинарова, дискуссионность вопроса о (не)допустимости пассивной интерпретации русских возвратных глаголов совершенного вида

обусловлена во многом тем, что в русском языке часть таких глаголов на -ся не различают пассивное и декаузативное употребление. Между тем в болгарском языке потеря актантом агентивности маркируется сменой предлога. Например, предложение *Залата се препълни от здрави момчета и от двата лагера* 'Зал наполнили крепкие парни из обоих лагерей', букв. 'Зал переполнился крепкими парнями из обоих лагерей', содержит форму возвратного перфективного пассива *препълни се*, агенс выражен именем с предлогом *от* (*от момчета* 'парнями'), а в предложении *Залата се препълни с малки, големи и още по-големи деца* 'Зал наполнился маленькими, большими и совсем уже большими детьми' при декаузативе *препълни се* используется именная форма с предлогом *с* (*с деца* 'детьми'). Поэтому перевод на болгарский язык может служить для русских глагольных образований своеобразным тестом на агентивность [Градинарова 2017: 12]. Так, в болгарском переводе предложения *Даль окуталась туманом* не будет именной агентивной формы с предлогом *от*, характерной для пассива, ср. возможные переводные варианты с формами декаузатива: 'Хоризонтът се обви в мъгла / се покри с мъгла'. Далее в этой части представлено подробное описание условий и сферы употребления болгарского возвратного перфективного пассива, приводятся и его русские функциональные соответствия.

В подразделе, посвященном неопределенно-личным предложениям, показано, что ограничения в использовании болгарской неопределенно-личной модели обусловлены в первую очередь именным аналитизмом болгарского языка, в определенных условиях препятствующим тематизации прямого дополнения. Например, при переводе русских неопределенно-личных конструкций с препозитивным рематическим прямым дополнением (в том случае, если неопределенно-личная модель вообще сохранена) последнее обычно располагается болгарскими переводчиками в постпозиции: *Ну, он немножко удивился, но потом решил, что это просто новое оформление сделали, и стал смотреть дальше* (В. Пелевин) — 'Е, той малко се учудил, но после решил, че просто са направили **ново оформление**, и продължил да гледа нататък' (пер. И. Попова).

Активное использование в болгарском языке конструкций безагенсного пассива и субъектного имперсонала (см. далее) сужает сферу распространения неопределенно-личных предложений. Вместе с тем тексты переводов с русского языка показывают, что болгарские неопределенно-личные конструкции могут быть выбраны переводчиком как функциональное соответствие русским синтаксическим моделям других типов [Градинарова 2017:27–30], например, безличным конструкциям с модальными словами *надо*, *трудно*, *легко* и инфинитивом: *С дороги его, конечно, трудно было заметить* (Б. Полевой) — 'От пътя, разбира се, беше трудно да го забележат' (пер. К. Георгиевой).

В этом же разделе подробно рассмотрена проблема безличности в синтаксических системах обоих языков. Не соглашаясь с распространенным мнением о более узкой сфере синтаксической безличности в болгарском языке по сравнению с русским, А. А. Градинарова доказывает, что безличные конструкции в болгарском довольно активны, причем некоторые из них значительно превосходят по употребительности аналогичные русские. В первую очередь это касается таких моделей, как субъектный имперсонал (*На масата не се пее* 'За столом не поют / не положено петь', букв. 'не поется'), аффективный имперсонал (*Работи ми се*

‘Мне хочется работать’), причастный имперсонал (безличный пассив) (*В морето е плувано, букв. ‘В море плавано’*) и дативная конструкция с предикативом на -о (*Тъжно му е ‘Ему грустно’*). Межъязыковые различия в составе и частотности безличных структур, как показывает автор, непосредственно связаны с типологическими особенностями двух сопоставляемых славянских языков. Приводятся и другие виды синтаксически безличных конструкций, которые не могут быть продуктивными в болгарском языке из-за его именного аналитизма; при каждой разновидности объяснены конкретные причины ограничений на воспроизводимость.

Важнейшие для сопоставительной лингвистики наблюдения предлагаются в подразделе, посвященном тому, как в болгарском языке передаются русские безличные конструкции с переходными глаголами и эксплицированным семантическим объектом. Особенности болгарской грамматики не допускают подобной модели. Автор анализирует возможные функциональные соответствия с учетом семантики глагола и коммуникативной структуры предложения: пассив, конструкцию с агентивным подлежащим или декаузатив, как в: *Две лампочки разорвало* (М. Булгаков) — ‘Две крушки се пръснаха’ (пер. Л. Минковой), *букв. ‘Две лампочки разорвались’*, см. об этом и в типологическом аспекте в [Циммерлинг 2018: 19]. Подобным же образом рассматриваются соответствия русским безличным конструкциям с непереходными глаголами (*В воздухе зашумело; В трубах звенело; Рядом грохнуло*).

В рамках раздела о безличности значительное внимание уделено субъектному имперсоналу — высокопродуктивной в болгарском языке модели, служащей для выражения генерализованного или неопределенного субъекта: *Никога не забравяйте — в секта се бяга. От какво бяга детето ви?* (газ. «Сега») ‘Никогда не забывайте: в секту убегают (*букв. убегаются*). От чего убегает ваш ребенок?’ [Градинарова 2017: 89]. Описаны структурно-семантические особенности этой конструкции, ее деривационная база, назначение, контекстное окружение. Приводятся современные русские функциональные эквиваленты болгарских конструкций. И в этой части имеются экскурсы в историю русского литературного языка, в частности сведения из истории русского субъектного имперсонала.

На фоне сопоставлений с болгарским субъектным имперсоналом рассматривается специфика русских конструкций типа *В статье сообщается о...; Легко работается; С трудом дышится*. Многоаспектному анализу подвергаются конструкции типа *Мне легко дышится*. В поисках ответов на ряд вопросов, связанных с описанием семантики славянского рефлексивного имперсонала, русская модель рассматривается и на фоне русского языкового материала XIX в., и в сопоставлении с болгарским рефлексивным имперсоналом — как с моделью без указания носителя состояния (*Тук се спи добре ‘Здесь спится хорошо’*), так и с моделью, включающей обязательный местоименный датив носителя состояния (*Спи ми се ‘Мне хочется спать’, букв. ‘Мне спится’*), т. е. с болгарской «желательной» конструкцией. Эти перекрестные внутриязыковые и межъязыковые сопоставления позволили А. А. Градинаровой сформулировать основные специфические черты русской модели. Показано, что значения, выражаемые семантически емкой русской конструкцией, в болгарском языке распределяются между формально различными структурами.

Отдельный подраздел посвящен причастному имперсоналу (рус. *В комнате убрано*, болг. *В стаята е подредено*). Механизм его образования, как доказывается в работе, является общим для сопоставляемых языков. Непереходность глагола не составляет препятствия для образования от него предиката данной модели; не имеют принципиального значения для производства конструкции также количество и состав актантов у производящего глагола, поскольку основное ее назначение — фокусирование внимания на семантике результирующего состояния. Автор высказывает предположение и приводит доказательства того, что русская безличная модель теснее, чем болгарская, связана со структурой канонического пассива. Различия между болгарским и русским языками обнаруживаются также в объеме производящей базы и в функциональной закреплённости безличных структур с причастным предикатом. Так, в болгарском языке причастные формы от глаголов с делиберативным значением могут образовываться и от непереходных глаголов: *Защо толкова дълго е мълчано за раскрытието* (газ. «Дневник») ‘Почему так долго молчали (букв. молчано) о раскрытии’. В тех случаях, когда причастные предикаты могут образовываться в обоих языках, не всегда совпадает область их применения и стилистическая окраска, ср. окказиональное употребление русского причастия *стреляно* от глагола действия несовершенного вида и стилистически нейтральное болг. *стреляно* (е): *Значит, създадено было стреляно, свои стреляли* (Л. Леонов). — *Стреляно е с пистолет със заглушител, който е бил изхвърлен от убицеца до близката бензиностанция* (газ. «Труд») ‘Стреляли из пистолета с глушителем, который убийца выбросил у находящейся рядом автозаправки’.

Отметим здесь же, что сопоставительные исследования А. А. Градинаровой в области возвратности и безличности недавно пополнились и еще одним большим исследованием [Градинарова 2019], посвященным «антипассивным» конструкциям, таким как рус. *Иван запасся товаром; Петр бросается камнями; Крапива жжется; Маша красится; Ира обожглась; Он печатается в известном журнале* и др.; болг. *Той се заяжда с нас* ‘Он пристаёт к нам’; *Моята котка се окоти с две котета* ‘Моя кошка окотилась двумя котятками’; *Той се докопа до парите* ‘Он добрался до денег’; *Той се запретна* ‘Он засучил рукава’; *Той се намръщи* ‘Он нахмурился’; *Той се издължи* ‘Он вернул свой долг’ и др. В этой новой работе на обширном языковом материале убедительно доказывается, что в основе несоотнесенности русских и болгарских антипассивных конструкций (или, по крайней мере, несовпадения в их продуктивности) лежат особенности русской и болгарской языковых систем (именной аналитизм болгарского языка и синтетизм русского) и связанные с ними различия в количественном соотношении переходных и непереходных глаголов и в деривационной сфере. Важнейшим фактором различий является высокая продуктивность болгарской клитики *се* при производстве собственно рефлексивных и реципрокальных глаголов, а также использование в болгарском языке для выражения посессивного и бенефактивного значения другой возвратной клитики, а именно посессивного и бенефактивного *си*.

Второй раздел «Компоненты простых и сложных предложений. Сложное предложение» [Градинарова 2017: 138–376] начинается с анализа конструкций с описательными предикатами типа *(с)делать выговор / обобщение / предложение* и т. п. Обсуждаются их отличия в сопоставляемых языках при образовании

пассива, декаузатива, рефлексивной конструкции с дательным субъекта, а также возможности номинализации, атрибутивизации и адвербиализации глагольного компонента. В подразделе «Фразеосхемы-тематизаторы» рассматриваются болгарские фразеологизованные конструкции, вводящие тему высказывания, напр. *Що се отнася до N, Колкото до N, Ако (като) е за P* (ср. рус. *Что касается / Относительно N*), а также фразеосхемы, включаемые в условные и уступительные конструкции: *За ходене – ходя, но...* (ср. рус. *Ходить-то хожу, но...*), причем в сопоставляемых языках имеются и грамматические, и функциональные отличия для большинства фразеосхем-тематизаторов.

Особый подраздел [Градинарова 2017: 186–196] отведен широко распространенной в болгарской речи фразеосхеме *X (P)(не) е за P: Това не е за описване* ‘Это невозможно описать’; *Не е за вярване* ‘Прямо не верится’. Показано, что при выборе русского эквивалента необходимо учитывать семантику варьирующегося компонента, структуру высказывания, а также шаблонизацию некоторых комплексов в научной речи: *За забелязване е, че...* ‘Следует заметить, что / Заслуживает внимания тот факт, что...’

Здесь нашли свое место и известные специалистам, но малодоступные широкому читателю наблюдения А. А. Градинаровой над специфическими формами представления субъекта восприятия в болгарском языке [Градинарова 2017: 196–206]. Так, кодируемый дативом болгарский субъект восприятия, являющийся и субъектом ментального состояния, может входить в актантную структуру глаголов, не имеющих ни в одной из своих диатез ни агенса, ни номинативного экспериенцера: *Тази бира ми горчи* ‘[Мне кажется, что] это пиво горчит’, букв. ‘Это пиво мне горчит’. Как правило, это предложения с глаголами обонятельных, вкусовых и зрительных проявлений, в том числе в их переносных употреблении: *Та тая новина в «24 часа» по-скоро ми жълтее, отколкото да е достоверна* (www.dnevnik.bg) ‘Да эта новость в «24 часа» скорее, мне кажется, желтая, чем достоверная’ [Ibid.: 200]. Такой дативный экспериенцер обоснованно рассматривается автором одновременно как субъект восприятия и как «доксический субъект» — субъект мнения, «субъект недостоверного знания» [Ibid.: 196].

Несколько подразделов этой части посвящены проблемам полипредикативных структур болгарского и русского языков. Прежде всего, представлена развернутая картина системы деепричастий и их функциональных аналогов в аспекте двуязычных параллелей [Градинарова 2017: 222–267]. Показано, что ограниченное употребление болгарского деепричастного оборота объясняется отсутствием в болгарском языке деепричастия совершенного вида, функции которого распределены между придаточными предложениями, действительными и страдательными причастиями, предложно-именными сочетаниями, а также особенностями болгарских причастий, которые, в сравнении с аналогичными русскими формами, передают гораздо более широкую гамму качественно-характеризующих, таксисных и обстоятельственных значений.

Переходя к области сложного предложения, автор обращается к комплексу моделей со значением цели в болгарском и русском языках. Впрочем, набор целевых конструкций в данной монографии предлагается в сжатом виде, с акцентом лишь на целевую *да*-конструкцию. Для интересующихся этой темой можно порекомендовать работы [Градинарова 2010; Иванова, Градинарова 2015: 312–322].

Далее в разделе представлены последние по времени разработки автора, посвященные конструкции с союзом *стига да*, многозначность которого показана через семантический анализ и подбор русских эквивалентов, а также предложениями со значением ограничения (союзные комплексы с компонентом *освен* ‘кроме’: *освен ако, освен когато, освен да, освен че/дето*). Этой теме посвящен самый крупный подраздел [Градинарова 2017: 276–338], поскольку каждый из вариантов союза обладает своей спецификой и требует различных русских функциональных эквивалентов.

Заметим, что представленное исследование семантики болгарских подчинительных союзов, дополненное сопоставлением последних с их русскими функциональными соответствиями и вводящее не описанный ранее языковой материал, представляет особую ценность для практики перевода и лексикографических описаний.

Завершает второй раздел книги сопоставление структурно-семантических типов болгарских и русских бессоюзных сложных предложений.

Третий раздел книги [Градинарова 2017: 377–419] посвящен описанию порядка слов в болгарском и русском языках. Дано лингвистическое объяснение различиям между русским и болгарским языком, касающимся позиции прямого дополнения, взаиморасположения подлежащего и сказуемого, компонентов составного сказуемого, позиции обстоятельства образа действия. Особое внимание уделяется тем правилам словорасположения, которые определяются структурными ограничениями, обусловленными именным аналитизмом болгарского языка. Здесь читатель найдет не только описание кодифицированных правил болгарского порядка слов, но и тех достаточно многочисленных случаев, когда установленные для письменной нейтральной речи нормы не подтверждаются существующей языковой практикой.

В последнем, **четвертом разделе** [Градинарова 2017: 420–470] описаны теоретические основы русской и болгарской пунктуационных систем, сопоставлены русские и болгарские пунктуационные правила. Автор приходит к выводу, что различия между системами связаны прежде всего с теми отступлениями от синтаксического принципа пунктуации, которые лежат в основе многих болгарских правил. В своем развитии болгарская система пунктуации все более и более удаляется от построенных на грамматической основе систем немецкого типа, к которым принадлежит русская пунктуационная система. В настоящее время болгарская система в целом характеризуется высокой степенью эклектизма и является объектом критики со стороны некоторых болгарских лингвистов. Автор высказывает предположение, что движение болгарской системы пунктуации в сторону сближения с системами французского типа будет продолжаться.

В конце книги, вслед за обобщающими и заключительными замечаниями, предлагается обширный список цитируемой литературы, сам по себе имеющий значительную ценность для отечественного читателя.

Вызывает сожаление, однако, отсутствие предметного указателя, который был бы особенно полезен в данной монографии, поскольку в разных разделах книги имеются тематически соотнесенные части. Так, конструкции с устраненным или пониженным в ранге субъектом рассматриваются не только в первой части

книги как модели простых предложений, но и в части, посвященной порядку слов в болгарском и русском языках. Предметный указатель мог бы сделать более наглядной эту соотнесенность.

Обратим внимание читателя также на то, что в книге избыточно представлен иллюстративный материал, прежде всего примеры из художественной речи, которые, как правило, даны с параллельным переводом. В то же время некоторые группы примеров как русского, так и болгарского языков, иллюстрирующие язык форумов и блогов, оставлены без переводов. Впрочем, значительный объем книги (500 с.) делает это решение понятным.

В заключение подчеркнем, что данная монография предполагает широкую читательскую аудиторию: она предназначена не только исследователям, работающим в области славистики, болгаристики и русистики. Книга будет полезна преподавателям болгарского языка в России и русского языка в Болгарии, студентам-филологам старших курсов, а также, безусловно, переводчикам с болгарского языка на русский и с русского на болгарский. В данной работе содержится ценный сопоставительный материал с глубокими теоретическими выводами, продуманным анализом фактов, щедрыми языковыми иллюстрациями. Новая монография А. А. Градинаровой, представляющая в контрастивном плане наиболее значимые особенности синтаксической системы болгарского и русского языков, несомненно, будет востребована в отечественной и — шире — славистической аудитории.

Библиография

Градинарова 2010

Градинарова А. А., *Фрагменты болгарско-русского сопоставительного синтаксиса*, София, 2010.

——— 2017

Градинарова А. А., *Очерки по сопоставительному синтаксису болгарского и русского языков*, 2017.

——— 2019

Градинарова А. А., Антипассив в русском и болгарском языках, *ACTA LINGUISTICA*, 10, 2019, 3–52.

Иванова, Градинарова 2015

Иванова Е. Ю., Градинарова А. А., *Синтаксическая система болгарского языка на фоне русского*, Москва, 2015.

Летучий 2011

Летучий А. Б., *Безличность*, Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики, Москва, 2011 (<http://rusgram.ru>; последнее обращение: 27.10.2018).

——— 2017

Летучий А. Б., *Предикатив*, Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики, Москва, 2017 (<http://rusgram.ru>; последнее обращение: 27.10.2018).

Стойнова 2016

Стойнова Н. М., Контроль бессоюзного целевого инфинитива при глаголах каузации движения в русском языке: данные НКРЯ, *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2016»*, Москва, 1–4 июня 2016, Москва, 2016, 733–745.

Циммерлинг 2013

Циммерлинг А. В., *Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте*, Москва, 2013.

——— 2018

Циммерлинг А. В., Имперсональные конструкции и дативно-предикативные структуры в русском языке, *Вопросы языкознания*, 5, 2018, 7–33.

References

Gradinarova A. A., *Fragments of Bulgarian-Russian comparative syntax*, Sofia, 2010.

Gradinarova A. A., *Essays on comparative syntax of Bulgarian and Russian*, Sofia, 2017.

Gradinarova A. A., Antipassiv in Russian and Bulgarian, *ACTA LINGUISTICA*, 10, 2019, 3–52.

Ivanova E. Yu., Gradinarova A. A., *Syntactic system of Bulgarian on the Russian model*, Moscow, 2015.

Stoinova N. M., Kontrol' bessouznogo tselevogo infinitiva pri glagolakh kauzatsii dvizheniia v rus-

skom iazyke: dannye NKRIA, *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog 2016"*, Moskva, 1–4 iunija 2016 goda, Moscow, 2016, 733–745.

Zimmerling A. V., *Systems of word order in Slavic languages: a typological aspect*, Moscow, 2013.

Zimmerling A. V., Impersonal constructions and dative-predicative structures in Russian, *Voprosy Jazykoznanija*, 5, 2018, 7–33.

Елена Юрьевна Иванова, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры славянской филологии С.-Петербургского государственного университета 199034 С.-Петербург, Университетская наб., 7–9 Россия / Russia
e.y.ivanova@spbu.ru

Received October 27, 2018